

Татьяна Ковган

Убить Алкивиада

Душный вечер спускался над фригийской долиной, укутывал синей мглой горячую растрескавшуюся от зноя землю, обещал и не приносил прохлады. Чутко прислушивался Алкивиад, как затихают звуки домашней птицы, замолкают шаги и голоса на первом этаже. Чем тише вели себя люди и животные, готовясь отправиться в царство Морфея, тем явственнее становилось слышно пение цикад в догоряча прогретой за день траве.

Неспокойно было на душе. Он планировал пробыть здесь еще несколько дней и дожидаться вестей из Афин, но чувство опасности, развитое в нем годами скитаний, говорило, что пора уезжать. Никаких видимых причин для тревоги не было, он находился здесь под защитой фригийского сатрапа Фарнабаз. Но едва ли Фарнабаз будет держать свое слово, если его попросит об услуге спартанский наварх.

Некстати вспомнил недавний сон. Он в женском хитоне из пурпурного восточного шелка, Тимандра одной рукой прижимает его голову к своей груди, а другой рукой расписывает ему лицо румянами и белилами, словно женщине. Затем подносит к его лицу зеркало:

- Смотри!

Он смотрит и не видит своего отражения. Вглядывается в отполированную до блеска поверхность металла и видит только извечную ночь, черную бездну - она пристально вглядывается в него, и он чувствует на своем лице ее холодное дыхание.

- О чем думаешь, стратег? — Алкивиад почувствовал на своем плече нежное прикосновение гетеры и вздрогнул.

- Я просил не называть меня так. Я беглец, - усмехнулся своим мыслям, не глядя на женщину.

- Разве в этой голове не зреет новый величественный замысел? — Тимандра лукаво посмотрела на него, нежно провела прохладной ладонью по его лбу, словно снимая с него тяжелые думы. — Ну вот, так уже лучше.

Тихо скрипнула дверь, вошел младший сын хозяина, юноша, одетый по фригийской моде в длинную тунику с шароварами и островерхую шапку, свисающую вперед углом. Поставил на стол блюдо, наполненное свежими фруктами, и глиняный светильник. Долго возился, пытаясь зажечь фитиль. Так долго, что гетера не выдержала:

- Отойди, я сама.

Светильник отбросил на стены нервные всполохи, тревожно в неверном свете заиграл пурпур на платье Тимандры. Словно пожар, подумал Алкивиад, залюбовавшись игрой света и пламени. А юноша все не уходил, неуверенно топтался в дверях.

- Говори, что хотел сказать, - мрачно посмотрел на него Алкивиад.

- Отец просил передать, уезжать надо. Двое приезжих нынче в деревне расспрашивали об афинянине.

- Передай отцу, я сам решу, когда мне уехать.

Островерхий колпак робко скрылся за дверью, а он так и остался стоять посреди комнаты, глядя в пространство перед собой, туда, где еще недавно стоял фригийский юноша.

Неслышно подошла Тимандра.

- Он прав, Алкивиад. Мы здесь уже много дней, это опасно. Лисандр охотится за тобой, а Фарнабаз сейчас выполнит любой его приказ. Не стоит доверять его обещаниям.
- Меч лакедемонянина слишком короток, чтобы дотянуться сюда.
- Меч лакедемонянина оказался достаточно длинным, чтобы дотянуться до Афин.
- Это потому что Алкивиада не было в Афинах.

Ответил резко и зло. Но она права. Откуда столько хитрости у этого спартанского выскочки? Одной лишь отвагой, без лисьей хитрости Лисандру никогда бы не взять Афин. Спартанский наварх жесток и умен, он понимает, что стоит ему ослабить контроль, и граждане Афин поднимут бунт. Сейчас, когда лакедемонянин посадил на власть 30 своих олигархов, у него, Алкивиада, в Афинах стало гораздо больше сторонников, чем было прежде.

- Мы уедем завтра, - решил, и словно камень упал с плеч.

Гетера мягко увлекла его на ложе, покрытое овечьими шкурами, положила голову к себе на грудь и, чтобы отвлечь от мрачных мыслей, начала пересказывать сплетни, которые слышала днем на женской половине. Слова текли, журчали, словно прохладный ручей, принося успокоение, не касаясь ни сердца, ни мыслей и не мешая думать о своем.

Прав был Сократ. Демос – что распутная женщина. Его можно соблазнить деньгами, обмануть сладкими речами, очаровать зрение и слух. Но стоит отвернуться, как он найдет себе другого любовника, предаст, поверив первому проходимцу. Дважды афинский демос предавал его – сначала назначал стратегом, а потом по первому навету превращал в изгнанника. Нет, Лисандру не удержать Афин. Разве лакедемонянину понять сердца афинских граждан? Эти сердца нужно завоевывать красноречием, а не силой. А он вернется спасителем. И уже не будет вторым. Больше нет Никия и Перикла. Теперь у Афин осталась только одна надежда – Алкивиад.

Бессмысленные слова гетеры убаюкивали, сквозь тонкую ткань хитона он чувствовал тепло и свежий аромат женского тела. Было уютно, как в детстве, когда его прижимала к груди кормилица Амикла. Сон окутывал голову тяжелой душевной волной. Завтра, все завтра... С этой мыслью заснул, убаюканный нежным голосом и женской лаской.

Тимандра еще долго любовалась спящим. Гордыми, все еще красивыми линиями лица, над которыми, казалось, не властен возраст. Чуть дыша, чтобы не разбудить, ласкала кончиками пальцев рассыпавшиеся во сне смоляные кудри. Сколько мужчин и женщин любили это красивое тело, касались этих кудрей... Любил ли он кого-то из них? Нет, ни лаской, ни хитростью ей не удержать подле себя этого гордого афинянина. Только и есть у нее – эти несколько мгновений, когда она может скрасить его изгнание, прижимая его красивую голову к своей груди.

В грязном придорожном трактире – бедной глиняной хижине, крытой соломой – в дальнем углу за столом, засиженным мухами, шепотом разговаривали трое. Двое - по речи внимательный слушатель мог бы опознать в них ионийцев, а внимательный наблюдатель нашел бы в чертах их лиц родственное сходство - в чем-то убеждали третьего. Судя по количеству имеющегося при них оружия, эти двое не были праздными путешественниками. Последний, явно из местных, все время тревожно оглядывался по сторонам, хотя в кабачке кроме них никого не было. Даже кабатчик, смекнув, что приезжие больше интересуются разговором, чем едой и выпивкой, поставив на стол козий

сыр, хлеб и молодое вино, благоразумно удалился. Тот, кто хочет жить долго, не интересуется чужими секретами.

- Ты уверен, что это он? - спрашивал один из приезжих.

- Он живет в доме Стадия, никто не знает его имени. Но это человек, который умеет держать оружие и привык повелевать, такого ни с кем не спутаешь.

- Слуги, охрана?

- С ним только гетера.

- И все? – лица приезжих выражали недоверие.

- Если верить тому, что о нем говорят, он один стоит целого лохоса, - фригиец настороженно оглянулся по сторонам, убедился, что в трактире по-прежнему никого нет, затем наклонился вперед, так, чтобы слышать его могли только двое его собеседников, и едва слышно произнес. – Опасное дело вы затеяли. Афинянин находится здесь под защитой Фарнабаза. Вряд ли вы найдете человека, который захочет показать вам дорогу. Если вам нужен мой совет, то вот он: откажитесь от вашей затеи.

Приезжий, тот, что выглядел старше, резко ударил кулаком по столу так, что осторожный фригиец вздрогнул. Внимательно посмотрел на товарища, словно ожидая от него совета, и, наконец, произнес:

- Хорошо, я скажу. Он соблазнил и обесчестил нашу сестру. Пока он жив, нам стыдно ходить по этой земле. Каждый теперь может показать пальцем и сказать: вот идут Диохид и Максимос, которые не отомстили за позор своего рода. Диохид подтвердит мои слова.

Тот, кого называли Диохидом, молча кивнул, подтверждая сказанное. Оба брата выжидательно смотрели на собеседника, который даже после такого откровения все никак не мог принять решение.

- Очень многие в Элладе надеются на возвращение Алкивиада, - после долгой паузы произнес фригиец.

- Алкивиад умрет, и о нем забудут, - Максимос заговорил намного громче прежнего. – А если он останется жив, даже внуки будут помнить, что Максимос и Диохид опозорили семью – не отомстили обидчику, соблазнившему честную женщину из их рода.

- Тише! – осторожный фригиец испуганно показал взглядом на входящих в это время в трактир новых посетителей в сопровождении услужливого хозяина. – Я понял. У вас есть право распорядиться жизнью этого человека. Я покажу вам дом. Но это все, что я для вас сделаю.

- Этого достаточно. Сколько ты хочешь за свои услуги?

- Не здесь.

Фригиец бросил на стол мелкую монету – плату за вино и скромный ужин и первым вышел из душного трактира в не менее душную фригийскую ночь.

Лисандр медлил. Он никогда не принимал опрометчивых решений, о которых потом следовало бы жалеть. Будь то обман или прямой ход, у него нет права на ошибку, в его руках будущее Эллады.

Но сейчас это было не обдумывание следующего шага. Едва ли он сам до конца мог объяснить себе эту медлительность. Алкивиад во Фригии у Фарнабаза. Лазутчики выследили его в одной фригийской деревушке. Едва ли он отошел от дел и смирился с поражением. Наверняка его люди здесь, в Афинах, уже готовят его возвращение.

Алкивиада нельзя оставлять в живых. Фарнабаз не откажет Пелопонесскому союзу в этой маленькой услуге.

Но что-то все-таки останавливало наварха от последнего шага. Эта война забрала лучших мужей, у Эллады больше не осталось героев. В покорившихся ему городах он посадил у власти людей мелких и тщеславных, которые боятся его – Лисандра, но еще больше они боятся возвращения демократии, и потому заискивают перед ним.

Алкивиад – последний, кто равен ему. Изнеженное дитя Афин, картавый баловень Сократа и великий стратег, не проигравший ни одной битвы, – как это все может быть в одном человеке? Лисандру так и не удалось сойтись с ним в прямом сражении, неужели он убьет его в спину?

Вспомнил свой недавний разговор с Критием. Услужливо заглядывая в глаза наварху, Критий говорил:

- Афинский демос только и ждет возвращения Алкмеонида, все противники Спарты надеются на это. А это значит, что снова начнется война.

Критий уговаривал наварха не доверять Фарнабазу и самому отправить к Алкивиаду убийц. Мотивы Крития понятны – возвращение Алкивиада будет означать конец власти тридцати, а значит, и конец его, Крития, власти. И хотя в словах Крития была правда, очень не хотелось наварху признать правоту этого честолюбца.

Лисандр прислушался к звукам на улице – происходила смена ночного караула. Он распорядился не терять бдительность ни днем, ни ночью. Даже побежденные Афины с разрушенными стенами все еще оставались грозным противником. И снова погрузился в размышления.

Эта бесконечная война нарушила привычный уклад эллинских полисов, доказала несостоятельность и эгоистичность полисных демократий, уничтожила лучших из лучших. Новое противостояние сделает Элладу беспомощной против главного врага – персов. Помогая поочередно то Афинам, то Пелопонесскому союзу, персы ждут только одного – когда Эллада истечет кровью в междоусобной борьбе и перестанет представлять для них военную угрозу.

Он устал. Устал обманом возводить к власти тиранов и потакать их низменным честолюбивым желаниям. Но что делать, если нет другого способа сохранить единство эллинов перед лицом более грозного врага, который умеет ждать. Мир, завоеванный Лисандром, очень хрупок. Он вынужден играть на низких инстинктах людей, рвущихся к власти, чтобы сохранить этот мир. Не ради тщеславия он позволяет народам возвеличивать его доблести, а поэтам воспевать божественное происхождение его побед. Пусть верят, что мир, принесенный им в Элладу, это мир – подаренный богами. Он всегда гордился мудрыми и чистыми традициями своего народа, но больше не верит даже в благородство и бескорыстие Спарты. Его обвинили в том, что он отправил в Лакедемон афинское золото и серебро и тем самым развратил истинный дух спартиатов. А между тем, сколько он вынужден был унижаться перед персидским Киrom, когда ему нужны были деньги на содержание флота. Он победил не только военным искусством, но и золотом персов. Разве мог он заплатить наемникам на триерах тяжеловесной ликурговой монетой, «закаленной» в уксусе? А ведь в следующий раз персы, чтобы поддержать выгодное им равновесие, дадут деньги не ему, а Алкивиаду.

Мир хрупок. Так хрупок, что достаточно одного присутствия в нем Алкивиада, чтобы он был разрушен. Их двоих – Лисандра и Алкивиада - Эллада не выдержит.

И все-таки Лисандр медлил.

Раздумья его прервал гоплит из личной охраны наварха:

- Посол из Спарты!

- Пусть войдет.

Вошел посол. Уставший, измученный дорогой, молча с достоинством поклонился и также молча протянул наварху скиталу – длинную узкую полосу папируса с начертанными на ней знаками, прочитать которые мог только наварх.

- Что эфоры просили передать на словах?

- Ничего.

- Иди.

Оставшись один, достал свою часть скиталы – тонкую круглую палку, точную копию той, что осталась в Спарте. Осторожно совмещая край с краем так, чтобы не оставалось зазоров, начал наматывать на нее папирус. Чем дальше, тем ровнее совпадали линии букв, и, наконец, он смог прочитать то, что было написано в послании: «Эфоры приказывают убить Алкивиада».

Несколько мгновений он задумчиво смотрел на скиталу, затем развернул папирус и бросил его в огонь. Сел за стол и начал писать письмо Фарнабазу.

Алкивиад проснулся от того, что гетера трясла его за плечи.

- Алкивиад, мы горим!

Еще несколько мгновений находясь между сном и бодрствованием, он смотрел в испуганное лицо Тимандры. И, наконец, смысл ее слов дошел до его сознания.

Вскочил с постели и тут же почувствовал запах дыма. Внизу, на первом этаже, слышались мужские голоса и испуганный женский крик – хозяева тоже проснулись.

- Спускайся вниз и уходи, пока не поздно.

- Алкивиад...

- Тебя никто не тронет. Им нужен я.

Гетера бросилась к лестнице, но остановилась и оглянулась в дверях. У Алкивиада в руке блеснул металл обнаженного меча. Он уже забыл о ней. Это был уже не любовник, а воин, готовый не бежать, а сражаться.

Спустившись вслед за Тимандрой по узкой лестнице, Алкивиад моментально оценил обстановку. Горели правое и левое крыло дома, едкий дым заполнил весь первый этаж, но выход все еще был свободен, можно было не сомневаться – его там ждали. Вытолкнув гетеру вслед убегающим домочадцам Стадия, распахнул дверь на мужскую половину. Огонь уже хозяйничал здесь, но была еще надежда прорваться к окну, чтобы оказаться на улице там, где его не ждут, и ударить противнику в спину. Алкивиад схватил с тлеющего ложа покрывало и набросил его на огонь. Пламя, поперхнувшись, на мгновение стихло. Тогда он начал срывать со стен и набрасывать на огонь еще почти не тронутые пожаром покрывала, вытаскивать их сундука хозяйские плащи и овечьи шкуры. Огонь затихал на мгновение, но затем жадно пожирал предложенную пищу и возрастал с новой силой. Пожар уже полыхал в окне, усиленный притоком ночного воздуха, сухое дерево легко поддавалось огню, беспрекословно отдавая себя во власть пляшущих языков пламени.

На женской половине тоже все было объято пламенем. Едкий дым не давал дышать и вызывал головокружение. Медлить было нельзя. Вспомнил, что щит остался наверху, в гостевых покоях, вырвал у огня тлеющую хламиду, сбил с нее пламя, намотал на левую руку и с обнаженным мечом сквозь дымовую завесу ринулся к выходу.

Оказавшись на улице, он вдохнул живительный ночной воздух и оглянулся, пытаясь понять, с какой стороны ждать засады. Почувствовав удар и резкую боль в груди, развернулся в направлении удара, и, прежде чем упасть, опытным взглядом воина успел заметить, как два мужских силуэта метнулись в толпе испуганных зевак и исчезли за соседним домом. А затем земля ушла из-под ног.

...Вместе с сознанием вернулась и жгучая боль в груди. С усилием открыв глаза, увидел склоненное над ним плачущее лицо Тимандры. Кто эта женщина? Почему она плачет? Неужели все? Тимандра покрыла его женским хитоном, бережно подняла его голову и прижала к своей груди. Плача, оттирала платком сажу с гордого и красивого лица. Снова некстати вспомнил свой недавний сон – точно так же гетера одной рукой прижимала его к себе, а другой водила по лицу, украшая румянами. Устало закрыл глаза и остался один на один с черной бездной, которая пристально вглядывалась в него. Снова почувствовал на своем лице ее холодное дыхание. И уже без страха посмотрел ей в глаза.

Еще не рассвело, когда посланник спартанского наварха Лисандра взошел на триеру и передал заспанному капитану папирус с приказом на рассвете отправиться в путь. В складках одежды, накрепко привязанным к поясу он прятал другое, секретное письмо фригийскому сатрапу с тайным приказом убить Алкивиада.

Красноярск,
29 ноября 2015 г.

Информация об авторе:

Ковган Татьяна Викторовна
Россия, г. Красноярск